

Это была школа, настолько бедная, что в ней остался только один несчастный ученик, который даже сам стирал свою одежду.

Е Юй нёс на спине бамбуковую корзину, в которой лежал меч под названием Зелёный Бамбук, две смены одежды, три пары сандалий, немного бамбуковых побегов, небольшой мешочек с солью, а также древний компас и нарисованная от руки карта. На поясе у него висел кошелек с монетами, которые он нашёл в шкафу над одеждой в бамбуковой беседке — две серебряные банкноты и немного мелких серебряных монет.

Великая школа Дунсянь, а он нашёл только две серебряные банкноты, которые даже отдалённо не напоминали юани. Они жили настолько бедно, что, если бы он вышел на улицу и закричал, что он ученик школы Дунсянь, кто-то обязательно спросил бы, что это за школа. А для прежнего владельца тела всё, что было за пределами школы, включая повседневные дела, не имело значения. Насколько, что в обрывочных воспоминаниях не было даже намёка на это.

Так что он не знал, как готовить еду. Не знал, кто стирал одежду. Не знал, где находится казна школы Дунсянь. И не знал, можно ли будет взимать плату с учеников, если он их когда-нибудь наберёт.

Это был классический пример человека с высокими способностями, но абсолютно не приспособленного к жизни. Он не обращал внимания ни на что, кроме тренировок с мечом. Разве он не понимал, как важны повседневные заботы? Наверняка он даже не знал, сколько булочек можно купить за одну медную монету.

Печально, что, кроме одежды, в которой он оказался в первый день, всё остальное время он выглядел просто ужасно. Ничего не поделаешь, это тело автоматически тренировалось с мечом, но не умело одеваться. Для прежнего владельца одежда тоже не имела значения.

Как он мог запомнить, как правильно надеть одежду, которую только что снял? Всё, что он надевал, выглядело помятым. В итоге он просто натянул длинные брюки, накинул халат, затянул пояс и завязал узел. В одно мгновение из благородного юноши он превратился в деревенского мужика, но, к счастью, никто этого не видел. Даже кожаные ботинки он заменил на сандалии, потому что в грязной бамбуковой роще они были практичнее.

Он провёл в бамбуковой беседке два дня, и теперь каждая минута была на вес золота. Он изучил маршрут и постоянно пересматривал свои планы на бумаге. Убить Чао Миня, чтобы снять талисман клятвы, было нереально в одиночку. Ведь задание не уточняло, как именно его убить. Если бы у него были деньги, он бы нанял восемьсот, тысячу мастеров, чтобы окружить Чао Миня и закидать его деньгами насмерть. Но были ли у него деньги? Обыскав все бамбуковые беседки и пещеры школы Дунсянь, он нашёл только две серебряные банкноты на тысячу лян. Разве мастер стоит два ляна?

Перед абсолютной силой Чао Миня Е Юй понимал, что в одиночку ему не справиться. Поэтому он обратил внимание на праведных борцов со злом, на известный в мире боевых искусств клан Куньлунь, имеющий безупречную репутацию в деле искоренения демонов.

В воспоминаниях прежнего владельца тела было сказано, что он планировал принять участие в собрании альянса, которое должно было состояться в следующем месяце под руководством клана Куньлунь. На этом собрании все праведные школы, большие и маленькие, отправят своих лучших мастеров. Там будут и Школа Цинмэй, и Школа Наньсян, и глава Школы Тяньлю, который мечтал разорвать Чао Миня на куски. Это собрание было неофициально названо «Как разорвать Чао Миня на восемь частей».

Как единственный наследник школы Дунсянь, Е Юй считал, что это собрание было просто замечательным, просто прекрасным. Ведь в мире боевых искусств злодеев всегда бьют сообща. Ему нужно было только нанести последний удар, когда Чао Миня уже изобьют. А пока он мог собирать информацию о злодеяниях Демонического императора — чем ужаснее, тем лучше. Ведь как человек современной цивилизации, он не смог бы убить невинного обывателя.

Покинув бамбуковую беседку, он шесть дней шёл через бамбуковый лес, неся на спине корзину. Он видел бамбук самых разных форм, и зелень, казалось, пропитала его одежду и кожу. Он закатал штаны и рукава, бегая и прыгая по лесу, как рыба в воде или птица в небе. С каждым вдохом он ощущал чистый воздух, наполнявший его лёгкие, а с выдохом его тело становилось легче.

Искусство меча школы Дунсянь родилось в бамбуковом лесу и обладало естественной грацией. Для Е Юя, новичка в боевых искусствах, ежедневные прыжки с мечом на вершины бамбука были отличной физической тренировкой. Он уже привык к боевым навыкам, которые достались ему вместе с телом.

Была весна, и бамбуковые побеги пробивались сквозь землю, словно крики новой жизни. Иногда перед сном он испытывал странные озарения — это было что-то мистическое, как будто лёгкий ветерок, непрерывный дождь и шелест листьев в ночи превращались в движения меча Зелёного Бамбука. Этот меч был живым, в нём была спокойная, умиротворяющая энергия, словно мудрый старец направлял Е Юя.

Он заметил, что чем проще он мыслил, чем меньше размышлял, тем более плавными и естественными становились его движения.

Но он всё равно не мог победить Чао Миня.

Выйдя из бамбукового леса, он был весь в росе и листьях. Сломав бамбуковую ветку, он запел песню Джей Чжоу «Постоялый двор в мире суеты» и побежал к ближайшему крупному городу.

К счастью, он нашёл этот фрагмент воспоминаний — прежний владелец тела когда-то проходил здесь, когда шёл учиться. Это был город у воды под названием Наньчжэнь. Его население составляло десятки тысяч человек, и он был важным транспортным узлом, связывающим юг и север, с развитым водным сообщением. Там был даже начальник водного транспорта, который знал школу Дунсянь. Хотя школа редко появлялась на публике, она помогала местным жителям в трудные времена, и глава школы лично вмешивался, если возникали серьёзные проблемы. Со временем жители окрестных городов узнали о школе

Дунсянь и относились к ней с уважением.

Е Юй считал, что у наследников школы Дунсянь были проблемы с головой. Если бы они просто продолжали делать добро и помогать людям, школа стала бы известной сама по себе. Но вместо этого они давали ученикам невыполнимые задания, словно ненавидели их.

Он планировал добежать до этого города, найти начальника водного транспорта и попросить его подвезти. Изучив карту, он понял, что клан Куньлунь находился в тысячах ли от него, на горе Куньлунь. Бежать туда пешком было бы безумием. И даже если бы он бежал, это было бы не то же самое, что в его мире, где можно было пересечь провинцию за день-два на скоростном поезде. Здесь, в мире боевых искусств, где все летали на лёгкой поступи, не было ни смога, только горы, реки, повозки и ослиные телеги. Если бы он шёл двадцать-тридцать километров в час, к тому времени, как он добрался бы до клана Куньлунь, он бы просто лёг там и умер.

Судя по карте, самый быстрый путь был по воде. В этом городе был канал, который шёл с севера на юг. Если повезёт, он мог бы добраться до горы Куньлунь за полмесяца. Полмесяца... Его жизнь стала настолько короткой, что даже полмесяца казались огромной потерей.

Е Юй не мог позволить себе ни минуты промедления. Сандалии износились, и он бежал босиком по грязной дороге. Пересекая горы и реки, он жевал дикие ягоды и нёс на голове шляпу из бамбуковых веток, выглядывая как настоящий дикарь. Так он ворвался в город.

В тот момент он впервые увидел этот мир. Страница истории упала перед ним, превратившись в каменную дорогу под его босыми ногами.

Наньчжэнь был городом воды, где каменные мосты-арки соединяли улицы. Лодка проплыла под аркой моста, а у реки стояли деревья персика, их полураскрытые лепестки украшали ветви.

Его сердце забило быстрее, и тёплая волна возбуждения прошла по спине. Маленькие деревянные дома с резными окнами, словно со страниц старинных книг, открывались перед ним. Женщины в юбках и блузках шли по мосту, держа масляные зонтики. Старик в соломенной шляпе и плаще медленно шёл вдоль зелёной реки. Где-то вдалеке кто-то пел мелодии, похожие на ханчжоуские баллады. В лёгком тумане дождя, под вечерним солнцем, мосты, лодки и дома казались страницами древних стихов.

Если бы у него был фотоаппарат, он бы сделал фотоальбом о Наньчжэне и выложил его в блог. Эта чистая древняя красота разрушила бы всю его современную суету и легкомыслие.

Е Юй начал прогуливаться под дождём, его всегда тянуло к беззаботности. Он останавливался, чтобы рассмотреть камень на дороге, цветок на мосту, женщину на мосту или лодку под ним.

Даже если бы его жизнь длилась меньше минуты, он бы с радостью потратил несколько секунд на этот вид.

Он шёл, улыбаясь, как трёхлетний ребёнок, смотря по сторонам с восхищением, но без желания. Это было похоже на его ежегодные одиночные путешествия, но это было самое красивое из них.

<http://bllate.org/book/15304/1352569>